

ПАМЯТИ СОФЬИ АЛЕКСАНДРОВНЫ КАУФМАН (1895—1967)

Умершая в прошлом году Софья Александровна Кауфман была одним из немногих ученых, занимавшихся исследованием древней архитектуры во всем ее объеме — от древнейшего Шумера до набатеев и арабов и от крито-микенского мира до раннехристианской архитектуры Византии и Рима.

Очень существенным обстоятельством, сказавшимся весьма глубоко на ее трудах, было то, что она пришла к истории архитектуры от современной и живой архитектурной практики под руководством крупных архитекторов-художников И. А. Фомина и В. А. Щуко, работая также в области охраны и реставрации архитектурных памятников.

Это определило, с одной стороны, ее углубленный интерес к истории строительной техники, с другой, — помогло связать историю архитектуры с общей историей культуры и не позволило, как это нередко бывает, ограничиться изучением предмета лишь в плане истории искусства. Поэтому работы С. А. Кауфман существенны не только для специалистов-искусствоведов. Их прочтет с интересом и пользой любой историк-антиковед: вопросы истории древнего зодчества всегда связывались в ее изложении с проблемами общей истории техники и хозяйства, с вопросами происхождения и распространения в античном мире тех или иных явлений общекультурного порядка.

Предметом особого внимания и увлечения С. А. Кауфман была архитектура эгейского мира и римская архитектура эпохи Республики. На эти темы ею были написаны кандидатская и докторская диссертации. Первая из них — «Архитектура эгейского мира» — защищена в 1940 г. Эта ее работа впервые привлекла внимание не только к памятникам дворцовой и крепостной архитектуры Крита и Микен, но также и к жилищам рядовых поселений с точки зрения развития массовой строительной техники. Много места в этой работе уделяется малоизученному вопросу о влиянии микенского зодчества на создание архитектурных стилей архаической Греции. Ей удалось показать, что смешанные конструкции и архитектурные ордера периода греческой архаики во многом сходны с конструкциями и ордерами эгейской архитектуры. Специально, с точки зрения развития строительной техники в этой работе рассмотрен вопрос о создании так называемого ложного свода — техники уступчатого купола, изучение которой С. А. Кауфман продолжала еще и позднее по погребальным памятникам Фракии и Боспорского царства. Для исследования «Об уступчатых склепах Боспора» ею была проделана весьма трудоемкая работа по изучению материала бытового характера боспорских погребальных камер (по коллекциям Эрмитажа). Это исследование С. А. Кауфман оказалось весьма плодотворным для постановки вопросов хронологии этих памятников, их происхождения от позднейших образцов эгейской архитектуры во Фра-

нии, их дальнейшего распространения на Восток. Решение этих вопросов, имеющих прямое отношение к общей культурной истории Боспора, выводит и эту работу С. А. Кауфман за рамки чисто искусствоведческого и технологического исследования¹.

Подобно этому, исследования в области истории эгейской архитектуры оказались для нее теснейшим образом связаны с оживленно дискутировавшимся в те времена вопросом о характере социального строя эгейского общества. Основываясь на своих исследованиях, С. А. Кауфман выступила сторонницей взгляда, возобладавшего потом в нашей науке, о классовой (рабовладельческой) структуре эгейско-микенского общества. «Архитектура эгейского мира» до сих пор не увидела света в полном объеме. На материале этой работы С. А. Кауфман был написан соответствующий раздел т. I «Всеобщей истории архитектуры» (М., 1958), в которой ей принадлежат также главы по истории зодчества в древнем Двуречье и о римской архитектуре.

Докторская диссертация С. А. Кауфман — «Раннеиталийская архитектура», защищенная ею в 1947 г., включает в себя историю строительной техники и развития архитектурных форм в Этрурии, Риме и других итальянских центрах эпохи Римской республики. В работе достаточно детально и глубоко рассматривается вопрос о происхождении этрусской культуры и о степени влияния ее на культуру итальянских племен второй половины I тыс. до н. э. Среди ее научных итогов существенное значение принадлежит предложенным С. А. Кауфман приемам определения реального уровня строительной техники римской архитектуры республиканского времени, до того весьма малоизученной и недостаточно освещенной в нашей специальной литературе. Проведенная С. А. Кауфман работа позволила ей внести ясность в вопрос о времени возникновения бетонно-сводчатой строительной техники в Италии, получившей, согласно ее исследованиям, значительное развитие уже в республиканский период. С. А. Кауфман удалось показать тенденциозный характер известного сочинения Витрувия («Об архитектуре»), всячески возмечивавшего зодчество эпохи Августа и превзятно умалчивавшего о сооружениях позднереспубликанского периода. Следует при этом сказать, что в обоих наших изданиях Витрувия, появившихся в 1936 г., подобная необходимая характеристика труда «Об архитектуре» отсутствует.

«Раннеиталийская архитектура» С. А. Кауфман также не опубликована полностью. Собранный в ней материал частично был использован автором для соответствующих разделов второй части т. II «Всеобщей истории архитектуры» (главы «Архитектура этрусков» и «Архитектура Римской республики»), вышедшей в 1948 г.

В последние годы жизни С. А. Кауфман сделала немало для популяризации в нашей специальной литературе достижений археологии в области истории культуры и архитектуры классической Греции, эллинизма, Рима и некоторых периферийных областей (Северной Сирии и Аравии), а также Византии и западноевропейского средневековья. На эти темы ею был опубликован ряд обзоров и рецензий на страницах «Вестника древней истории», «Византийского временника» и сборника «Средние века». Некоторые из этих работ вылились в обширные самостоятельные исследования. Таковы ее статьи о «Вилле доброй судьбы в Олинфе» и «Об архитектуре древнего арабского народа набатеев и ее роли в развитии античной архитектуры», напечатанные в «Вопросах всеобщей истории архитектуры» (вып. 1, М., 1961). Как и предшествующие ее работы, названные статьи выгодно отличаются характерной для их автора общей культурно-исторической точкой зрения, обоснованной археологическим и другим историко-бытовым и историко-культурным материалом.

С. А. Кауфман своими разнообразными и многосторонними трудами в области истории древней архитектуры ввела в наш научный оборот немало новых фактических данных, выяснила немало темных и спорных вопросов из области древней строительной техники. Главное же — существенно поспособствовала включению этой специальной отрасли знания, являющейся до сих пор преимущественно искусствоведческой дисциплиной, в общий круг культурной и социальной истории древнего мира.

С. А. Кауфман по характеру своей деятельности постоянно сталкивалась с историками и археологами, для которых вопросы изучения древней архитектуры не были предметом первостепенного внимания и интереса. Но она никогда не уставала разъяснять, в каком отношении и в какой степени те или иные новые открытия в области древней архитектуры, те или иные поставленные ею вопросы существенны в общих культурно-исторических точек зрения. Она считала своей прямой обязанностью пропагандировать среди коллег, в особенности среди молодых ученых, все то новое, что она извлекала из научной литературы. Не ожидая, пока к ней обратятся с вопросом, она сама обычно спрашивала, а не интересны ли Вам те или иные недавно открытые и опубликованные памятники? Для всех, знавших С. А. Кауфман, она останется в памяти как хороший, добрый человек, ученый большой эрудиции.

¹ Работа С. А. Кауфман «Об уступчатых склепах Боспора» увидела свет лишь частично в «Сообщениях Института истории и теории архитектуры», вып. 6, М., 1947, стр. 1—32.

СПИСОК ТРУДОВ С. А. КАУФМАН
В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ АРХИТЕКТУРЫ

1. Архитектура эгейского мира. 15 авт. л., М., 1940 (рукопись).
2. Архитектура эгейского мира. В кн.: «Всеобщая история архитектуры», I, М., 1939.
3. Об уступчатых склепах Боспора, «Сообщения Института истории и теории архитектуры», вып. 6, М., 1947, стр. 1—32.
4. Раннеиталийская архитектура. 27 авт. л., М., 1947 (рукопись).
5. Главы «Архитектура этрусков» и «Архитектура Римской республики» во II книге т. II «Всеобщей истории архитектуры», М., 1948.
6. Витрувий и раннеримская архитектура. 2,5 авт. л. (рукопись).
7. Главы «Архитектура древнего Двуречья», «Архитектура эгейского мира», «Архитектура Рима» в «Кратком курсе всеобщей истории архитектуры», Литографированное издание, М., 1952.
8. Позднеантичные города на территории Югославии (рукопись).
9. О значении строительства в ранней истории арабских народов (Южная Аравия). 1,5 л. (рукопись).
10. Архитектура Сирии в древности, сб. «Современная Сирия», М., 1958, стр. 236—243.
11. Арабы в Сирии до ислама, ВДИ, 1958, № 2, стр. 209—221.
12. Новые данные по социально-экономической истории Северной Сирии, ВДИ, 1960, № 4, стр. 170—183.
13. О взаимосвязях ранневизантийских сводчатых покрытий с позднеримскими, ВВ, XX, 1961, стр. 184—224.
14. Рец. на книгу А. J. Festugière, *Antiquité païenne et chrétienne*, P., 1959 — ВВ, XX, 1961, стр. 267—278.
15. Вилла доброй судьбы в Олинфе, «Вопросы всеобщей истории архитектуры», № 1, М., 1961, стр. 75—112.
16. Архитектура древнеарабского народа набатеев, «Вопросы всеобщей истории архитектуры», № 1, М., 1961, стр. 113—204.
17. Искусство древней Эфиопии, сб. «Искусство Африки», М., 1966.
18. О некоторых особенностях архитектуры в Северной Африке римского времени, сб. «Искусство Африки», М., 1966.

Л. А. Ельницкий

ПАМЯТИ ЯКОВА ЭММАНУИЛОВИЧА ГОЛОСОВКЕРА (1890—1967)

20 июля 1967 г. умер Яков Эммануилович Голосовкер, знаток и исследователь античной культуры, автор многих переводов из эллинской и римской поэзии.

Он родился в 1890 г. в семье киевского хирурга. Классическая гимназия и историко-филологический факультет Киевского университета, где преподавали в ту пору А. И. Сонни, В. П. Клиnger, А. Н. Гиляров, дали ему надежную базу для углубления в античную литературу и философию. В 1913 г. на страницах журнала «Гермес» появляются первые переводы Якова Эммануиловича из античных поэтов. В 1922—1923 гг. он совершил поездку в Германию, чтобы впитать в себя достижения немецкой классической филологии. Возвратившись он начал читать лекционные курсы (по истории и теории греческой литературы, античной эстетики и философии — в Брюсовском институте, 2-м МГУ и др.), много переводил с греческого и замыслил синтетический труд, где должна была быть раскрыта загадка эллинского строя мышления.

Он был в расцвете творческих сил, когда во второй половине 30-х годов огонь уничтожил его важнейшие рукописи. И в 1943 г. — тоже от огня — гибнет библиотека и архив Якова Эммануиловича. За несколько десятилетий он опубликовал лишь несколько сравнительно небольших по объему работ.

Если жизнь Якова Эммануиловича сложилась как жизнь несвершений, то причина этому не в одних только злополучных стечениях обстоятельств, материальных невзгодах или упрямстве издательского начальства, не желавшего принимать всерьез этого бело-бородого патриарха с по-детски увлеченной и совсем не по-детски усложненной речью. Яков Эммануилович сложился как ученый, всем своим существом отрицавший воспитавшую его «классическую» науку. Он работал в мире классической филологии и пересматривал, утверждал и уничтожал те принципы, на которых воздвигали эту науку его учителя и учителя его учителей. Осуществить переворот было ему не под силу — но он обладал тем редким слухом, который позволял за привычно-однообразным скрипением тысяч автоматических перьев уловить назревающий шелест листьев Додонского дуба.

Пожалуй, ни одна из областей науки о древности не разработала свою методику до такой степени совершенства, как классическая филология: логика сопоставлений и противопоставлений, восполнение лакун и объяснение грамматических конструкций, требование полноты привлечения источников и возможность осуществления этого требования — все это придавало классической филологии почти математическую строгость; недаром немецкие статистики конца прошлого века уверяли, что классическая гимназия лучше готовит техников, нежели реальная. И тем не менее оказалось, что эта логическая игра ведет к расчленению объекта науки на бесчисленное количество отдельных частных связей, не ставя перед собой задачи воссоздания целостного образа человека и человеческого общества в древнем мире. Самостоятельное бытие обретало толкование каждого отдельного слова Гомера, Геродота, Платона — но миллионы сохранившихся от древности слов не сплетались в единую картину.